

ляется и получает более точное и ясное оформление в следующей строфе. Как будто нужен промежуток времени, чтобы найти более точное выражение мысли, и этот промежуток — пауза между строфами:

Там погружались в хладный сон
Вспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.
Там он почил среди мучений.

Достигается такой эффект и многочисленными повторами, но больше всего прямым уточнением слов, когда ясно стремление выразить мысль и более точно, и более значительно.

В стихотворении имя Байрона прямо не названо: сначала отвлеченно «гений», затем «властитель наших дум». Во втором случае гений более приближен (властитель *наших* дум), и, наконец, в следующей строфе он не назван вовсе («исчез, оплаканный свободой...»), все в Байроне определено, окрашено сходством, единством с морской стихией, это певец моря, и само имя подсказано без называния. Обозначения по принципу градации постепенно все более усиливают и уточняют явление, все более приближают к читателю.

Подобное же и в стихах о Наполеоне: от «величавых воспоминаний» (очень отвлеченно) к имени — Наполеон, а потом уже *ОН*, личное местоимение еще больше приближает образ. От перифраза «там погружались в хладный сон» к более ясному метафорическому «угасал», а затем неприятельское и торжественное «почил», без какого-либо переносного значения. Острота стиха «Там он почил среди мучений» возникает в контрасте слов почил — мучений, контрасте, особенно сильно потому, что в предыдущих стихах все говорит о медленном умирании («погружались в хладный сон», «угасал»).

В стихотворении того же 1824 г. «Недвижный страж дремал...» мучения Наполеона обозначены более конкретно («Мучением *покоя* / В морях казенного по манию царей»). Но в стихотворении «К морю» судьба Наполеона связана с морем, свободной, *беспокойной* стихией, все-таки лишь внешней связью, локальной определенностью: скала в море, смерть на острове.

Зато судьба Байрона более глубоко, органично «означена» образом моря: «Он духом создан был твоим...». Поэт соединяет гениев своего времени, властителей дум, но соединяет только единством времени, самой историей, это единство вне связи со свободной стихией. Между Наполеоном и Байроном нет внутреннего, «стихийного» родства.

Больше того, анализ контекста показывает, что Байрон и Наполеон противопоставлены друг другу, хотя это и не подчеркнуто. Имя Наполеона связано только со славой, величием, в стихах больше статичности, обозначается медленное угасание: «гробница славы», «величавы», «погружались в хладный сон», «угасал», «почил». А Байрон — это сама свободная стихия, и в стихах преобладает стремительное движение: «как бури шум...», «умчался», «исчез, оплаканный свободой...». Стихи о Байроне непосредственно сравнивают образы поэта и моря, сравнение делает их почти синонимичными:

Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Только Байрон соединен с образом свободной стихии наиболее органично, нераздельно. У самого же лирического героя отношения со свободной стихией более сложные, противоречивы, двойственны.

13-я строфа — итог размышлений поэта о времени и о себе. В риторическом вопросе («Теперь куда же / Меня б ты вынес, океан?») обращение